

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ МЕЗОУРОВНЯ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

ВОЛЫНСКИЙ АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ,

*младший научный сотрудник
Центра эволюционной экономики
Института экономики РАН,
e-mail: ava3003@hotmail.com*

История мезоэкономических исследований насчитывает уже не одно десятилетие. Можно утверждать, что в плоскости теоретического осмысления проблемы исследователями, в том числе и русскоязычными авторами, намечено некое магистральное понимание того, чем является мезоуровень и что составляет предметную область мезоэкономических исследований. Согласно доминирующей концепции мезоуровень является пространством становления институтов. Вместе с тем на уровне практического применения разработок мезоэкономической теории встает проблема идентификации мезоэкономических объектов в качестве таковых. Наиболее распространенным можно назвать принцип пространственно-отраслевой идентификации: объектами мезоэкономики в таком случае именуется региональные и отраслевые экономические комплексы. Однако, с нашей точки зрения, он противоречит эволюционно-институциональному пониманию мезоэкономики. Пространственно-отраслевой принцип, следующий неоклассической логике использования микроэкономических оснований и агрегирования более крупных экономических объектов (индивид – группа) посредством простого суммирования качеств и свойств микрообъектов, исключает из анализа эмерджентные эффекты формирования институтов. В статье нами дан обзор способов идентификации мезоэкономических объектов, предлагаемых русскоязычными авторами: кластеры, иерархии, платформенные рынки, наиболее перспективной из которых представляется идея идентификации платформенных рынков в качестве объектов мезоуровня.

Ключевые слова: мезоуровень; мезоэкономика; институционализм; отрасли; кластеры; экономика регионов; институты; платформенные рынки.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания для ФБГУН Института экономики РАН по теме «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

THE MESOLEVEL OBJECTS IDENTIFICATION: RUSSIAN-LANGUAGE PUBLICATIONS ANALYSIS

ANDREI I. VOLYNSKII,

*junior researcher,
Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: ava3003@hotmail.com*

The history of mesoeconomic research has more than a decade. It can be argued that in the plane of theoretical understanding of the problem by researchers, including Russian-speaking authors, a certain basic understanding of what the meso level is and what is the subject area of the mesoeconomic research. According to the dominant concept, the meso level is the space where the institutions are formed. But there is a problem of the practical application of the developments in mesoeconomic theory, and the problem of identifying meso-economic objects. The most common is the principle of spatial-branch identification: the objects of mesoeconomics in this case are called regional and branch economic complexes. However, it seems to contradict the evolutionary-institutional understanding of mesoeconomics. The spatial-branch principle, following the neoclassical logic of using microeconomic foundations and aggregating larger economic objects (individual group) by simply summarizing the qualities and properties of microobjects, excludes the institutions formation emergent effects. The article gives an overview of the ways of identifying mesoeconomic objects offered by Russian-speaking authors: clusters, hierarchies, platform markets, the most promising of which is the idea to identify the platform markets as meso-level objects.

Keywords: *mesolevel; mesoeconomics; institutionalism; industries; clusters; regional economies; institutes; platform markets.*

JEL: *B52, B59.*

Введение: мезоэкономика и институты

История становления мезоэкономической теории насчитывает уже не одно десятилетие. Первая русскоязычная публикация по теме, найденная в базе данных РИНЦ, датируется 1998 г. (*Гельвановский, Жуковская, Трофимова, 1998*). Западная же традиция мезоэкономических исследований обладает еще более давней историей². Вместе с тем отношение научного сообщества к мезоэкономике до сих пор неоднозначно. Анализ данных публикационной активности (*Круглова, 2017, с. 27–28*) показывает, «что целенаправленное выделение мезоуровня как объекта и предмета исследований – скорее экзотика для современных экономистов» (*Кирдина-Чэндлер, 2017, с. 5*). Тем не менее идея мезоэкономики имеет не только стабильный, пусть и узкий, круг своих приверженцев, но и постепенно входит в более широкий научно-экономический обиход. Так, например, в докладе Центра стратегических разработок «Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ» авторы используют понятие мезоуровня, не подвергая сомнению обоснованность его упоминания наравне с привычными микро- и макроуровнями (*Центр..., 2017, с. 16*).

Теоретическое определение того, что представляет собой мезоэкономика, в значительной степени зависит от круга авторов и научных школ, обращающихся к мезоэкономической концепции. В последние десятилетия «на мезоуровень экономического анализа обратили внимание представители гетеродоксальных

² Подробный ретроспективный анализ англо- и русскоязычных мезоэкономических исследований см.: (*Вольнский, 2017; Круглова, 2017*).

экономических направлений (в первую очередь представители институционально-эволюционной парадигмы» (Гареев, 2010б, с. 28)). По этой причине наиболее распространенным в мировой научной литературе является определение мезоуровня как пространства формирования институтов. В русскоязычной литературе такая трактовка распространена меньше. Наиболее явно она выражена в так называемой «формуле Клейнера»: «фактически изучение мезоэкономических структур эквивалентно изучению институтов... Мезоэкономика – естественное поле формирования и действия экономических институтов» (Клейнер, 2003, с. 16)³.

Однако при таком «преимущественно институциональном» понимании возникает проблема идентификации мезоэкономических объектов. Недоопределенность основных объектов мезоэкономического анализа, на наш взгляд, может стать ключевым препятствием на пути становления развитой мезоэкономической теории. Цель представленной статьи – дать общий анализ русскоязычных работ, затрагивающих вопросы идентификации мезоэкономических объектов. В первой части мы определим природу противоречий между эволюционно-институциональной трактовкой мезоэкономики и распространенным отождествлением мезоэкономики как совокупности региональных и отраслевых комплексов. Во второй части работы обратимся к обзору альтернативных регионально-отраслевому принципу способов типологизации мезоэкономических объектов, представленных в трудах русскоязычных авторов. В завершение подведем некоторые итоги.

1. Идентификация объектов мезоуровня: между микроэкономическими основаниями и институционально-эволюционной парадигмой

Понимание мезоэкономического пространства как промежуточного уровня между национальной экономикой (макроуровень) и уровнем отдельных экономических акторов, будь то компании или домохозяйства (микроуровень), объектами которого являются отраслевые и межотраслевые, а также региональные экономические комплексы, можно считать традиционным для русскоязычных мезоэкономических исследований. Так, например, если обратиться к рубрике «Мезоэкономика» в «Журнале Экономической Теории», то можно видеть, что регионально-отраслевой теме посвящены все 10 опубликованных в этой рубрике статей за последние три года: шесть из них рассматривают вопросы промышленной и отраслевой политики, четыре – экономики регионов. При этом имеет место постоянное тематическое пересечение: как правило, объектом рассмотрения становятся отраслевые комплексы отдельных регионов⁴.

Вместе с тем сосуществование регионально-отраслевого подхода при определении мезоэкономических объектов и институционально-эволюционной трактовки мезоуровня кажется проблемным: регионально-пространственный подход определяется представителями эволюционно-институциональных течений как «страдающий все же определенной механистичностью» (Кирдина-Чэндлер, 2017, с. 7).

На наш взгляд, регионально-отраслевой принцип идентификации объектов мезоуровня опирается (явно или неявно) на принятую в экономическом мейнстриме логику микроэкономических оснований. Она предполагает, что переход на следующий иерархический уровень анализа (с микро на макро) происходит посредством агрегирования микросубъектов в широкие группы, каждая из которых, будь то, например, потребители или инвесторы, рассматривается как органически единая сущность, поведение которой регулируется теми же закономерностями, что и поведение образующих ее субъектов. «В рамках данной модели агрегирование представляет собой процесс суммирования вещественных (денежных и количественных) переменных, а макроуровень сразу выводится из микроуровня» (Гареев, 2010а, с. 47). «В этом случае можно говорить о <...> построении каждого следующего уровня снизу, с сохранением

³ Термин «формула Клейнера» введен, по всей видимости, Т.В. Гареевым (Гареев, 2010а, с. 46).

⁴ Источник: сайт «Журнала Экономической Теории».

присущих каждому уровню основных свойств. Поэтому в отношении агрегированных субъектов мезо- и макроуровней сохраняют свое значение микроэкономические принципы равновесия и рациональности» (*Кирдина-Чэндлер, 2017, с. 9*). Институты в данном случае «являются частью целого (макроуровня) и при прочих равных нейтральны по отношению к актерам на микроуровне (то есть к индивидам и фирмам), чье поведение регулируется рыночным механизмом координации трансакций» (*Гареев, 2010а, с. 47*).

Регионально-отраслевой принцип агрегирования посредством суммирования микроагентных характеристик поведения и выведение знаний о свойствах более высокого уровня из суммы свойств образующих его микроагентов⁵ нивелирует провозглашаемое инструментальное достоинство мезоуровня как способа осуществления перехода от знаний о поведении на уровне индивидов к моделированию функционирования системы, состоящей из индивидов (*Гареев, 2010а, с. 46*). Таким образом, органичное с точки зрения неоклассики объектное рассмотрение мезопространства в регионально-отраслевой проекции трудно сопрягается с институционально-эволюционной трактовкой мезоэкономики.

Указанная трудность усугубляется сохраняющимся разрывом между экономическим мейнстримом и гетеродоксальной эволюционно-институциональной теорией⁶ на фоне незаконченного процесса интеграции «отдельных элементов неортодоксальных течений (институционализма, эволюционной экономики и пр.) в тело основной парадигмы» (*Некипелов, 2006, с. 8*).

Сторонники эволюционно-институциональной парадигмы в мезоэкономическом анализе, объективирующие мезоуровень как институциональное пространство, стремятся преодолеть свойственные неоклассической модели ограничения (ср., например, *Клейнер, 2003, с. 16; Олейник, 2002, с. 4*). На наш взгляд, рассмотрение мезоуровня как агрегата микрообъектов на уровне регионов и отраслей – одно из таких ограничений. С одной стороны, переплетение мезоэкономики и институциональной теории полезно для первой, так как позволяет использовать в новом научном направлении уже готовые теоретические конструкции, с другой же – многие свойственные институционализму трудности автоматически переносятся и на мезоэкономику. Мезоуровень наследует междисциплинарность институционализма и, как следствие, задачу «преодоления дисциплинарных терминологических барьеров», что делает его «объектом ожесточенной внутривидовой критики» (*Гареев, 2010а, с. 45–46*). Нечеткость определения институтов и трудности в их формализации переносятся в эволюционно-институциональном дискурсе о мезоуровне на определение мезоэкономических систем и объектов (*Гареев, 2012, с. 8–9; Гареев, 2018, с. 27*).

Весьма противоречивое соседство регионально-отраслевой идентификации мезообъектов и институциональной природы трактовки мезоуровня обнаруживает себя не только при анализе общего дискурса мезоэкономической теории, но и в работах одних и тех же авторов. Так, в вышедших в 2001 и 2011 г. монографиях, посвященных мезоэкономике, в качестве определений мезоэкономических структур называются предприятия и их группировки (*Мезо..., 2001, с. 10*), отраслевые, надотраслевые и региональные экономические комплексы (*Мезо..., 2011, с. 9*). Вместе с тем каждая из монографий подготовлена под руководством автора «формулы Клейнера», устанавливающей принципиальную связь между мезоэкономикой и институциональными исследованиями. Такая противоречивость в авторской трактовке мезоуровня продиктована не только методологическими особенностями институционализма в его сопряжении с неоклассикой, но и тем, что институционализм не справляется с

⁵ Выделение регионов и отраслей посредством дезагрегирования макроуровня следует той же логике: свойства дезагрегируемого уровня сохраняются в его «дезагрегатах».

⁶ Если новая институциональная теория и неинституционализм, наряду с неоклассикой, являются частью современного экономического мейнстрима, то такие направления, как оригинальный институционализм, институциональная экономика, частично эволюционная экономика, являются частью гетеродоксальной экономической мысли, представители которой опираются на иные по сравнению с экономическим мейнстримом постулаты и предпосылки.

решением ряда проблемных вопросов, за что он не раз становился объектом критики, в том числе со стороны исследователей, оперирующих институциональной методологией (см., например, Полтерович, 1999, с. 4). До сих пор вопрос о конкурентоспособности институциональной методологии по сравнению с неоклассической ставится под сомнение, в том числе и самими институционалистами (Фролов, 2016, с. 147).

Тем не менее мезоэкономика, формирующаяся в русле институционально-эволюционной парадигмы, предлагает свои решения в области идентификации мезоэкономических объектов, опираясь на собственные предпосылки. В обоснование этого мы представим краткий обзор наиболее, с нашей точки зрения, близких к институционализму типологий мезообъектов, используемых русскоязычными исследователями.

2. Объекты мезоуровня: иерархии, кластеры, платформенные рынки

Во-первых, одним из органичных эволюционно-институциональному определению мезоэкономики является выделение иерархических структур в качестве основных объектов мезоэкономического анализа (развернутое обоснование такого подхода представлено статье В.И. Маевского в настоящем номере журнала). В качестве более давнего примера использования иерархического подхода в определении объектов мезоуровня можно сослаться также на предложенный Д.Н. Шульцем принцип отнесения тех или иных экономических объектов и акторов к мезоуровню по критерию решающего влияния рассматриваемых акторов на всю экономическую систему в целом и на отдельных экономических агентов в частности (Шульц, 2011). «Степень воздействия, количество взаимосвязей с другими элементами экономической системы являются определяющими для разделения экономических агентов по уровням иерархии. В примере с двумя крупными взаимосвязанными компаниями их принадлежность к мезоэкономическому уровню будет определяться именно большим количеством связей с элементами экономической системы, посредством которых мезообъект оказывает значительное влияние на состояние экономики в целом», – пишет Шульц (2011, с. 28). Исходя из этого, к числу объектов мезоуровня могут быть отнесены «финансово-промышленные группы, крупные хозяйственные комплексы, естественные монополии, транснациональные корпорации», а степень влияния мезообъектов на агентов микроуровня можно считать сопоставимой с влиянием макроуровня на микроуровень, параметры этого влияния могут задаваться «для микроуровня <...> в целом, а не для конкретных его элементов», однако влиять на каждого микроэкономического агента в отдельности (Шульц, 2011, с. 28–29). Идея Шульца отчасти созвучна монографии «Мезоэкономика развития», авторы которой приравнивали крупные российские корпорации (например, «Газпром») к мезоэкономическим системам и утверждали, что в силу их общественной и социальной значимости деятельность исключительно в целях роста прибыли для них невозможна (Мезо..., 2010, с. 10).

Во-вторых, весьма распространена идея отождествления кластеров с объектами мезоуровня (см., например, Соломатина, Славнецкова, 2017; Рекорд, 2012). Отличие кластерного подхода от регионального и отраслевого состоит в трехфакторности понятия кластера, объединяющего отраслевую, региональную и институциональную плоскости (Гареев, 2012, с. 9). Именно это свойство позволило исследователям долгое время полагать, что кластер может стать основой для полноценной систематизации (и идентификации) мезоэкономических систем и объектов (Марков, Ягольницер, 2008, с. 21–22). Наиболее подробный разбор кластерного подхода с точки зрения использования его для типологии мезоуровневых объектов мы находим у (Марков, Ягольницер, 2008). Авторы подчеркивают, что «кластерная концепция неоднородна и подразумевает различные пространственно-экономические структуры», к которым относят «как агломерации малых и средних предприятий с преимущественно горизонтальными связями, так и отраслевые и территориально-производственные комплексы; как отдельные сектора

промышленности, так и целые местности» (Марков, Ягольницер, 2008, с. 21). Кроме того, они выделяют два магистральных типа классификации кластеров: одномерный и многомерный подходы. Для одномерного подхода доминирующим является выделение одного фактора, определяющего явление как кластер: «уровень промышленного охвата, характер доминирующих связей, территориальный охват, этап жизненного цикла» (Марков, Ягольницер, 2008, с. 32). Соответственно, многомерность означает рассмотрение совокупности факторов. В обоих случаях общей является парадигма пространственно-экономического взгляда, в рамках которой выделяются типы взаимодействий между агентами экономической деятельности и их интеграции в пределах определенных систем. При этом связи между агентами могут быть как пространственными (географическими), так и функциональными (отраслевыми, межотраслевыми и прочими), социальными и институциональными⁷. «Неотъемлемым свойством» кластера «является системность, которая обуславливается наличием разнообразных связей между участниками кластера и порождает синергетические эффекты» (Марков, Ягольницер, 2008, с. 20). Более выраженный институциональный характер определение кластера получило в работе Т.Р. Гареева от 2012 г., где он представил кластеры как «локализованные мезоэкономические системы с нечеткими границами, которые состоят из взаимосвязанных гетерогенных самостоятельных экономических агентов и локальных специфических институтов, определяющих роли этих агентов и стимулирующих инновационное развитие этих систем» (Гареев, 2012, с. 8).

Впрочем, с течением времени стали очевидными сложности в применении кластерного подхода в мезоэкономическом анализе, прежде всего потому, что сами кластеры утратили свою актуальность. Будучи активно применяемым в 1990-х гг. (Губайдулина, 2010, с. 54), кластерный подход вытесняется новыми формами экономических взаимодействий. В качестве примера таковых Т.Р. Гареев предлагает рассматривать платформенные рынки (Гареев, 2018) – явление в экономической жизни сравнительно новое.

Платформы – это третье направление в выделении объектов мезоуровня, которое мы анализируем в нашем обзоре. И хотя обращение к платформенным рынкам в русскоязычной литературе можно достаточно часто встретить в прикладных работах, посвященных вопросам менеджмента и реализации бизнес-стратегий (см., например: Конопатов, Салиенко, 2018), в экономической институциональной теории это явление пока представлено слабо.

Необходимость переключения внимания с кластеров на платформенные рынки Т.Р. Гареев, например, обосновывает «недостаточной выраженностью институциональных характеристик» кластеров (Гареев, 2018, с. 32). Если рассматривать мезоэкономические системы как двухфакторные модели, где могут сочетаться пространственный, технологический (отраслевой) и институциональный факторы, то кластеры, по мысли Гареева, предстанут сочетанием пространственно-технологических факторов, тогда как платформенные рынки – совокупностью технологического и институционального. Достоинство платформ с точки зрения методологии институциональных исследований определяется более простой в сравнении с другими типами структур идентификацией правил и институтов за счет оставляемого ими цифрового следа (Гареев, 2018, с. 29). Гареев перечисляет следующие признаки институциональности платформ: «наличие правил (например, присоединения к платформе), формирование устойчивых игровых равновесий и механизмов прямого и косвенного принуждения к соблюдению установленных правил» (Гареев, 2018, с. 32). Представляется, что, если идентификация платформенных рынков как мезоэкономических систем окажется корректной, это может в перспективе стать значительным стимулом к развитию мезоэкономики как пространства формирования институтов ввиду облегченного в сравнении с иными объектами процесса сбора и обработки данных о деятельности платформенных рынков.

⁷ Аналогичную идею рассмотрения мезоуровня как пространственных, временных и функциональных структур развивает М.А. Дерябина в статье, опубликованной в этом же номере журнала.

Заключение

Как ранее было показано, мезоэкономическая теория, все еще редко применяемая в экономических исследованиях, тем не менее становится объектом внимания со стороны представителей гетеродоксальных направлений, в том числе эволюционно-институционального (Волынский, 2017; Круглова, 2017, Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2017). Одним из противоречий, сдерживающих дальнейшее развитие мезоэкономической теории, является рассогласование предмета и объекта мезоэкономических исследований. Доминирующая трактовка предмета мезоэкономики как в русско-, так и в англоязычных традициях связана с представлением мезопространства как пространства формирования институтов. Вместе с тем наиболее распространённый в литературе принцип идентификации объектов мезоуровня - пространственно-временной, который, по нашему мнению, несет в себе отпечаток неоклассической логики, базирующейся на использовании микроэкономических оснований и, в сущности, противоречит постулатам институциональной теории. Поиск адекватного принципа идентификации объектов мезоуровня, по нашему мнению, является ключевой задачей для развития эволюционно-институциональной мезоэкономической теории. Рассмотренные в статье иерархии, кластеры и платформенные рынки – одна из попыток решения этой научной задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волынский А. И. (2017). Мезоуровень как объект исследования в экономической литературе современной России // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 9, № 3, с. 36–49.

Гареев Т. Р. (2010а). Институты и экономическое развитие на субрегиональном (мезо-)уровне // *Общественные науки и современность*, № 5, с. 45–58.

Гареев Т. Р. (2010б). Региональный институционализм: terra incognita или terra ficta? // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, № 2, с. 27–37.

Гареев Т. Р. (2012). Кластеры в институциональной проекции: к теории и методологии локального социально-экономического развития // *Балтийский регион*, № 3, с. 7–33.

Гареев Т. Р. (2018). Платформенные рынки: место в теории развития мезоэкономических систем и вызов пространственным исследованиям // *Балтийский регион*, Т. 10, № 2, с. 26–38.

Гельвановский М., Жуковская В., Трофимова И. (1998). Конкурентоспособность в микро-, мезо- и макроуровневом измерениях // *Российский экономический журнал*, № 3, с. 67–78.

Губайдулина Ф. С. (2010). Международный опыт кластерной политики в промышленно развитых странах // *Современная конкуренция*, №4(22), с. 54–68.

Кирдина С. Г. (2015). Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // *СОЦИС*, № 12, с. 51–59.

Кирдина-Чэндлер С. Г., Маевский В. И. (2017). Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 9, № 3, с. 7–23.

Кирдина-Чэндлер С. Г. (2017). Мезоуровень: новый взгляд на экономику?: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН. 36 с.

Клейнер Г. Б. (2003). Мезоэкономические проблемы российской экономики // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 1, № 2, с. 11–18.

Конопатов С. Н., Салиенко Н. В. (2018). Анализ бизнес-моделей на основе платформ // *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент*, вып. 1 (32), с. 21–32.

Круглова М. С. (2017). Мезоэкономическая теория в англоязычной научной литературе // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 9, № 3, с. 24–35.

Марков Л. С., Ягольницер М. А. (2008). Мезоэкономические системы: проблемы типологии // *Регион: экономика и социология*, № 1, с. 18–44.

Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия. (2001). М.: Наука, 516 с. (http://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/10/mezo_kleiner_pr1.pdf – Дата обращения: 22.07.2018).

Мезоэкономика развития / Под ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера (2011). Центральный экономико-математический ин-т РАН. М.: Наука, 805 с. (<http://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/09/Mezo-razv1.pdf> – Дата обращения: 23.07.2018).

Некпелов А. Д. (2006). Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М.: Экономистъ.

Олейник А. Н. (2002). Институциональная экономика: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М.

Полтерович В. М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*, Т. 35, № 2, с. 3–20.

Рекорд С. И. (2012). Международные кластерные системы как мезоуровень экономической интеграции на пространстве ЕврАзЭС // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, № 11, с. 28–35.

Соломатина Н. А., Славнецкова Л. В. (2017). Координационный центр кластерного развития как основа функционирования инновационной системы в условиях интеграции // *Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия: Экономика. Управление. Право*, Т. 17, вып. 1, с. 61–68.

Центр стратегических разработок (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. (<https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> – Дата обращения: 23.07.2018).

Фролов Д. П. (2016). Методологический институционализм 2.0: от институтов – к институциональным конфигурациям // *Вопросы экономики*, № 7, с. 147–160.

Шульц Д. Н. (2011). Иерархический анализ объектов мезоэкономического уровня // *Региональные проблемы преобразования экономики*, № 3, с. 26–32.

REFERENCES

Center for Strategic Research (2017). Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms. (<https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> – Access Date: 23.07.2018). (In Russian).

Frolov, D. P. (2016). Methodological institutionalism 2.0: From institutions to institutional configurations. *Issues of Economics*, 7, 147–160. (In Russian).

Gareev, T. R. (2010a). Institutions and economic development at the sub-regional (meso-) level. *Social sciences and modernity*, 5, 45–58. (In Russian).

Gareev, T. R. (2010b). Regional institutionalism: terra incognita or terra ficta? *Journal of Institutional Studies*, 2, 27–37. (In Russian).

Gareev, T. R. (2012). Clusters in the institutional projections: on the theory and methodology of local socioeconomic development. *Balt. Reg.*, 3, 7–33. (In Russian).

Gareev, T. R. (2018). Platform markets: their place in the theory of mesoeconomic system: development and a challenge to spatial studies. *Balt. Reg.*, 10(2), 26–38. (In Russian).

Gelvanovsky, M., Zhukovskaya, V., Trofimova, I. (1998). Competitiveness in micro, meso- and macrolevel measurements. *Russian Economic Journal*, 3, 67–78. (In Russian).

Gubaidulina, F. S. (2010). International experience of cluster politics in industrialized countries. *Modern competition*, №4(22), 54–68. (In Russian).

Kirdina, S. G. (2015). Methodological institutionalism and the importance of meso-level of social analysis. *Sociological Studies*, 12, 51–59. (In Russian).

Kirdina-Chandler, S. G., Maevsky, V. I. (2017). Methodological Issues of the Meso-level Analysis in Economics. *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 7–23. (In Russian).

Kirdina-Chandler, S. (2017). The Meso Level: A New Look in Economics? Working paper. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 36 p. (In Russian).

Kleiner, G. B. (2003). Meso-economic problems of the Russian economy. *The economic bulletin of the Rostov State University*, 1(2), 11–18. (In Russian).

Konopatov, S. N., Salienko, N. V. (2018). Analysis of business models based on platforms. *Scientific journal of NIU ITMO. Series: Economics and Environmental Management*, 1(32), 21–32. (In Russian).

Kruglova, M. S. (2017). Meso-economic theory in english-scientific literature. *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 24–35. (In Russian).

Markov, L. S, Yagolnitser, M. A (2008). Meso-economic systems: typology problems. *Region: Economics and Sociology*, 1, 18–44. (In Russian).

Meso-economics of the transition period: markets, industries, enterprises. (2001). Moscow: Nauka, 516 p. (http://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/10/mezo_kleiner_pr1.pdf – Access Date: 22.07.2018). (In Russian).

Meso-economics of development / ed. Member of corr. RAS *G.B. Kleiner* (2011). Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 805 p. (<http://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/09/Mezo-razv1.pdf> – Access Date: 23.07.2018). (In Russian).

Nekipelov, A. D. (2006). Formation and functioning of economic institutions: from the «Robinsonade» to a market economy based on individual production. Moscow: The Economist, 328 p. (In Russian).

Oleinik, A. N. (2002). Institutional Economics: Textbook. Moscow: INFRA-M, 416 p. (In Russian).

Polterovich, V. M. (1999). Institutional traps and economic reforms. *Economics and mathematical methods*, 35(2), 3–20. (In Russian).

Rekord, S. I. (2012). International cluster systems as a meso level of economic integration in the EurAsEC space. *Eurasian integration: economics, law, politics*, 11, 28–35. (In Russian).

Solomatina, N. A., Slavnetskova, L. V. (2017). Coordination Center of the Cluster Development as the Basis for the Operation of the Innovation System in the Integration condition. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 17(1), 61–68. (In Russian).

Shulc, D. N. (2011). Hierarchical analysis of the meso-level objects. *Regional problems of transforming the economy*, 3, 26–32. (In Russian).

Volynskii, A. I. (2017). Mesolevel as object of research in the scientific economic literature of contemporary Russia. *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 36–49. (In Russian).